

Выходить ежедневно утром.

Цена отдельного номера:

в Латвии: 12 сент. (6 лат. руб.)
Литва: за оба издан. 80 цес.
Польша: за оба издан. 45 грш.
за утреч. 30

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За строку пятка или заим. ею место — в Латвии
в текст 1.20 (60 р. лат.)
предл. труда —14 (7 " ")
спрос —30 (15 " ")
фирмы и увесел. учр. —34 (17 " ")
позади текста —30 (15 " ")

+ 5%
гор.
налога

Редакция, главная контора и экспедиция:
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакции 199, гл. конторы 59-90.

Отделение конторы: Рига, Известковая 18, тел. 5-24.

Примъ по деламъ редакци отъ 5 до 7 час. вечера.
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата въ мѣсяцъ:
в Латви 3.— (150 руб.)
За границей 4.50 (225 ")
" 90 амер. центовъ.

Почтовый ящикъ № 85.

Текущие счета:

в почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ . . . № 115.
банкъ Латви № 534.
коммерческый банкъ, Комино . . . № 688.

7-й ГОДЪ ИЗД.

Воскресенье, 14 июня 1925 года.

№ 130

К. Д. НАБΟКОВЪ.

Измуродованный Чеховъ.

(Письмо изъ Лондона.)

Года четыре тому назадъ въ одномъ изъ Вестъ-Эндскихъ театровъ поставленъ былъ «Живой Трупъ», при чемъ главную роль исполнялъ едва ли не самый талантливый актеръ на англійской сценѣ — Генри Эйбли. Благодаря его проникновенной игрѣ, пьеса имѣла успѣхъ и продержалась три мѣсяца съ небольшимъ. За десять лѣтъ моего пребыванія въ Лондонѣ это былъ единственный случай постановки пьесы русскаго автора не на одинъ-два спектакля какимъ нибудь драматическимъ кружкомъ, а театальной антрепризою въ расчетъ на «большую публику». Вторая попытка такого же рода сдѣлана теперь въ одномъ изъ пригородныхъ театровъ, гдѣ шла пять лѣтъ безъ перерыва англійская оперетка «Опера нищаго», а послѣ этого пьесы Шекспира, Бюффона и другихъ классиковъ. Теперь поставленъ «Вишневый садъ».

Бѣдный Чеховъ! Если исполненіе «Чайки» на Александринской сценѣ, несмотря на то, что среди исполнителей были такіе крупныя силы, какъ Комиссаржевская, Левкѣева, Варламовъ — причинило автору несказанныя муки, потому что эти исполнители «не уловили тона» Ж. вчерашній спектакль вѣроятно заставилъ бы автора постыдѣть въ одну ночь. Я много перевидаль въ Россіи смѣшныхъ, безграмотныхъ представлений иностранныхъ пьесъ, классическихъ и современныхъ, — сборную труппу въ театрѣ Суворина, подыгрывавшую Сальвини въ Шекспира, Даматова въ «Макбета», Яворскую въ «Антоніи и Клеопатрѣ» и т. д. Все это были пародіи на Шекспира. Но такой жалкой, обидной, варварской пародіи на ароматное, тончайшее произведеніе драматической литературы — какъ вчерашнее представленіе «Вишневаго сада» на англійской сценѣ я никогда не видалъ и не представлялъ себѣ возможности того, чтобы режиссеръ, пользуясь репутацией культурнаго и талантливаго, могъ совершить подобнаго рода святотатство.

Врядъ ли среди драматическихъ критиковъ лондонскихъ газетъ есть хоть одинъ, издавшій «Вишневый садъ» въ исполненіи артистовъ Художественнаго театра или вообще въ русскомъ исполненіи. Насколько поэтому не удивительно, что никто изъ нихъ ничего не понялъ, и что наиболѣе откровенные изъ нихъ приняли «Вишневый садъ» за «фальшивый вздоръ». Безшабашную карикатуру они приняли за подлинный ликъ — и теперь недоумиваютъ, почему литературные критики въ статьяхъ о Чеховѣ единогласно признаютъ «Вишневый садъ» лучшимъ произведеніемъ автора, имѣющаго сильное вліяніе на современную драматическую литературу.

Съ оговоркою, что говорю по наслышкѣ, высказываю догадку, что ни одна изъ пьесъ Чехова не

потребовала отъ труппы Художественнаго театра болѣе напряженной вдумчивой работы, чѣмъ «Вишневый садъ», что эта пьеса самая трудная изъ всѣхъ для исполнителей. Только послѣ сотни тщательныхъ репетицій можно разыграть эту симфонію настроеній, вся прелесть которой пропадаетъ, если хоть одинъ изъ инструментовъ звучитъ фальшиво или своимъ шумомъ заглушаетъ другіе. Вчера шла съ начала до конца сплошная какофонія.

Какое-то отдаленное подобіе правды и жизненности звучало изрѣдка въ интонаціи актрисы, игравшей Раневскую, и не окончательно погубила она свою послѣднюю сцену разставанія съ Лопухинымъ. Въ стереотипныхъ тонахъ, но довольно выразительно сыгралъ Фирса актеръ, неправдоподобно загримированный и одѣтый, съ ужасными жестами, свойственными «дряхлымъ ролямъ». Этими двумя подсудимыми можно бы вынести обвинительный приговоръ съ оговоркою «но заслуживаетъ снисхожденія». Для всѣхъ же остальныхъ единственное подходящее наказаніе — тяжелое пресс-панье со стола Павла Васильевича. И самый сильный ударъ хотѣлось бы нанести прежде всего режиссеру.

Трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія унынія и раздраженія, которое произвели всѣ до единаго исполнители пьесы въ англійскомъ театрѣ. Вѣсто Трофимова — человекъ въ косовороткѣ, шароварахъ и высокихъ сапогахъ, шагающій по сценѣ съ согнутыми коленями, съ лишнимъ вѣнерическаго большого, всѣ рты котораго вызывали хихиканье публики. Варя — въ платьѣ монахини, съ бѣлой повязкой на головѣ, старообразная, безжизненная. Аня — остриженная дѣвица, одѣтая по современному. Дуняша — въ какомъ-то подобіи короткаго сарафана, съ узкими лямками изъ лондонскаго дешеваго ресторана. Яма — въ костюмѣ англійскаго грума шестидесятихъ годовъ, съ утрированно-фарсовыми интонаціями. Лопухинъ — нѣчто вродѣ мелодраматическаго злодѣя, въ сюртукѣ и долополой черной шляпѣ, которой онъ не снимаетъ въ комнату. Первая сцена третьяго акта — не дать, ни взять Балѣвскій шаржъ. Какіе-то дикіе мужчины съ черными курчавыми париками и длинными бородами, и дѣвчонки прямо съ ночного Пикадилли... Гаевъ — разслабленный идиотъ. Елиходовъ — англійскій клоунъ-простака.

Декорация и обстановка столько же походили на помѣщичью усадьбу, сколько на готтентотскую деревню.

Вмѣсто живой души «Вишневаго сада» представлена была плохо намазанная восковая кукла, изъ которой выпута была вся «внутренность».

Кажется, сказано достаточно, чтобы дать понятіе о томъ, какъ на англійской сценѣ измуродовали «Вишневый садъ». Остается только отъ души пожелать, чтобы какъ можно скорѣе сошлся съ подмостковъ эта жестокая пародія.

К. Д. НАБΟКОВЪ.